

Жак Годшо

АЛЬБЕР МАТЬЕЗ

К 50-летию со дня смерти А.Матьеза
Французский ежегодник 1982
М.: Наука. 1984. С.165-173

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Подборка материалов об Альбере Матьезе
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#amtz>

25 февраля 1932 г. в 15 часов 30 минут Матьез проводил занятия. Мишель Эд выступал с докладом о различных периодах термидорианской реакции. Неожиданно Матьез повалился, уронив голову на разложенные на столе бумаги. Студенты бросились к нему, положили его на стол. Прибыла скорая помощь, и Матьеза перевезли в больницу. Дежурный врач после быстрого осмотра определил: кровоизлияние в мозг. Привести его в чувство оказалось невозможным. Он умер в 22 часа 15 минут не приходя в сознание.

Это было пятьдесят лет назад.

Я был тогда учеником Альбера Матьеза, но на этих занятиях не присутствовал. Занятия предназначались для студентов исторического факультета, а я уже работал над докторской диссертацией и ходил на лекции Матьеза в Высшей школе научных занятий (*Ecole des hautes etudes*). О горестном событии я узнал из газет утром в пятницу 26 февраля.

Я не собираюсь даже вкратце пересказывать здесь жизнь и труды Альбера Матьеза. Американский историк Джеймс Фригульетти посвятил ему блестящую биографическую работу¹. Я ограничусь несколькими личными воспоминаниями.

Когда я впервые услышал имя Альбера Матьеза? Кажется, это было в 1922 г. Я был учеником предпоследнего класса лицея в Нанси. Наш преподаватель заболел, и заменявший его ассистент прочел нам лекцию о французской революции. Лекция восхитила нас новыми мыслями, столь несхожими с устаревшими штампами из учебника Мале². Наш молодой

¹ *Friguglietti J. Albert Mathez, historien révolutionnaire (1874—1932)*. P., 1974.

² Учебник истории Альбера Мале был тогда одним из самых распространенных в системе среднего образования.

учитель Альбер Тру, превратившийся вскоре в хорошего специалиста по истории революции³, признался нам, что он ограничился пересказом основных выводов из только что вышедшего первого тома новой истории французской революции. Автор ее, Альбер Матъез, был нам совершенно неизвестен⁴.

Я побежал в книжный магазин. Книга продавалась по доступной для меня цене. Я ее купил и прочел с жадностью. Все взгляды Матъеза сразу же стали моими взглядами. С нетерпением ожидал я публикации II тома, сделавшись частым гостем книжных магазинов. «Вышел второй том „Революции“ Альбера Матъеза? — Нет. Ожидаем, но когда будет — неизвестно». Приходилось довольствоваться (Мале меня не удовлетворял) чтением Паризе в «Современной истории Франции» Эрнеста Лависса. Книги основательной и казавшейся мне серьезной, но которой не доставало вдохновения⁵.

С давних пор я мечтал стать преподавателем истории, а затем, если удастся, посвятить себя историческим исследованиям, что уже тогда я считал лучшими из занятий.

Нужно было выбрать университет. Покинуть Нанси, где жила моя семья, что с финансовой точки зрения было довольно трудно. Стипендии в то время были редки, общежитий не существовало. Матъез, как я узнал, преподавал в Дижоне. Соблазнял и Страсбург, где работали Паризе, Марк Блок, Люсьен Февр, Пиганиоль, Болиг — выдающаяся, но тогда почти неизвестная плеяда. Дело решил компромисс: университетский курс я пройду в Нанси, а готовиться к конкурсу на право преподавания буду в Париже.

Я ничего не знал о Фредерике Брэше, когда однажды в четверг в два часа дня впервые пришел на его лекцию. Читал он именно о революции, но как-то бледно, невыразительно. Он приводил бесконечные ряды цифр, но статистическим данным не хватало широты, а многочисленные библиографические ссылки представлялись мне простым перечислением имен. От товарищей я вскоре узнал, что между Брэшем и Матъезом происходили некогда знаменитые стычки. Рассказывали, явно преувеличивая, о легендарных спорах во время неких выпускных экзаменов, когда Матъез преподавал в университете в Безансоне, а Брэш — в лицее в Бельфоре. Как бы там ни было, занимался я у Брэша, а книги и статьи читал Матъеза. Прочел все «Анналы». Наконец, когда мой университетский курс уже подходил к концу, вышел второй том «Революции». Третий же появился уже после того, как я защитил диплом о высшем образовании.

Тему дипломной работы я, естественно, выбрал из времени французской революции, и хотя писал я ее теоретически под руководством Брэша, идею я почерпнул в трудах Матъеза. Работа называлась: «Революционный наблюдательный комитет в Нанси». Работая в архиве, я, как это часто бывает, обнаруживал документы, не относившиеся к объекту моих поисков, но которые, казалось, заслуживают публикации. Куда их послать? Конечно, если бы я обратился к своему руководителю, он бы добился публикации во «Французской революции», возглавляемой все тем же Альфонсом Оларом, но этот сухой журнал мне не нравился. Меня привлекали матъезовские «Анналы».

Однажды мне попался любопытный документ о дехристианизации в малепькой лотарингской деревушке. На этот раз я решился. Робей и делая помарки, написал я черновик моего первого письма Матъезу. (Этот черновик сейчас лежит передо мной). К письму я приложил копию документа. Ответ не заставил себя ждать. Это была фиолетовая почтовая

³ Альбер Тру, умерший в 1980 г., опубликовал, кроме прочих работ, значительную докторскую диссертацию: *Troux A. La vie politique dans le département de la Meurthe, d'août 1792 à octobre 1795*. Nancy, 1936.

⁴ *Mathiez A. La Révolution Française*. P., 1922. T. 1. La chute de la royauté.

⁵ *Pariset G. La Révolution (1792—1799)*, l'Histoire de la France contemporaine, depuis la Révolution jusqu'à la paix de 1919. P., 1920.

открытка, отправленная из Дижона 20 октября 1925 г.: «Сударь, интересный документ, который Вы сооблаговолили мне прислать и за который я Вам признателен, будет опубликован в „Анналах“. Однако Вам придется некоторое время подождать. Примите уверения в моих лучших чувствах. А. Матъез».

Это было первое письмо Матъеза ко мне. Значит, он не отверг мой документ, как я опасался, и решил его опубликовать. Конечно, придется подождать... Но ждать пришлось меньше, чем можно было бы предположить из его письма: документ появился в первом номере за 1926 г.⁶ Удача придала мне уверенности. Оставалась проблема публикации дипломной работы, защищенной в 1927 г. Я бы предпочел, чтобы резюме было опубликовано в «Анналах», но Фредерик Брэш моментально отправил его Альфонсу Олару. Публикация во «Французской революции» появилась так быстро, что я не успел даже попросить отдельных оттисков⁷.

Мои занятия в университете Нанси после защиты диплома заканчивались. Было условлено, что к конкурсу на право преподавания я буду готовиться в Сорбонне. Профессора, преподававшие там новую и новейшую историю, слыли добросовестными и знающими: Пажес, Гийо, Саньяк, Эйзенман. Ни одно из этих имен не вызывало у меня заочного большого энтузиазма. За несколько дней до отъезда в Париж я встретил на улице Фредерика Брэша. Брэш сказал мне: «Матъез как будто назначен в Париж на место Филиппа Саньяка, который уезжает на много лет в Каир». Он был потрясен. Мое сердце радостно забилося, но я не решился показать свою радость перед тем, кого считал «соперником» Матъеза. И вот, полный надежд, я отправился из Нанси в Латинский квартал.

В 1927/28 г. Матъез проводил в Сорбонне три занятия в неделю. Один его курс представлял собой публичные лекции о термидорианской реакции. Сущность этого курса Матъез изложил в книге с тем же названием, опубликованной в 1929 г. Я посетил некоторые из этих лекций. Однако тогда, как и сейчас, кандидаты на право преподавания были отвержены «программе», а так как революции в «программе» не было, то они и не ходили на посвященные ей занятия. Два же других матъезовских курса были нам просто необходимы. В первом он разбирал ех сathedra экономическое и социальное положение Франции при Людовике XVI, во втором он представлял слово кандидатам для тренировки в чтении конкурсных уроков.

Я прекрасно помню свое первое посещение лекции Матъеза 3 ноября 1927 г. Это было в большой аудитории под самой крышей Сорбонны. Все места были заняты задолго до начала, студенты расселись на ступеньках амфитеатра точно так же, как они это делают сегодня. Наконец Матъез вошел. Я увидел его первый раз в жизни. Коренастый, с короткой шеей. Светлые волосы и длинные тонкие усы. Немодное уже тогда пенсне с дымчатыми стеклами защищало его единственный глаз, но при этом частично скрывало лицо, делая его грозным и загадочным для тех, кто сталкивался с Матъезом впервые. Он не походил ни на элегантного Робеспьера, ни на необузданного Дантона. Не имел он и классического вида «библиотечной крысы». Его вообще трудно было отнести к какой-либо категории. Скорее всего, он напоминал крестьянина или даже деревенского нотариуса. Вот он сел, достал из портфеля толстую тетрадь, раскрыл ее, поднес поближе к здоровому глазу и принялся читать: «Занятие первое: Место французской революции в истории Европы». Он читал в течение нескольких минут, степенно, как в начальной школе. Признаюсь, я был разочарован. Неужели крупнейший знаток истории революции и мой любимый автор вот так вот будет читать целый час то,

⁶ *Godechot J.* Un document sur la déchristianisation en Lorraine.— *Annales historiques de la Révolution française*, 1926.

⁷ *Godechot J.* Le comité de surveillance révolutionnaire de Nancy (2 avril 1793 — 1er germinal en III).— *Révolution française*, 1927. Эта работа была переиздана в кн.: *Godechot J.* Regards sur l'époque révolutionnaire. Toulouse, 1980.

что каждый из нас мог спокойно прочесть на досуге? Однако очень скоро Матъез отложил тетрадь и в блестящей импровизации обрисовал нам основные черты Франции 1789 г. Затем снова взялся за тетрадь. Таким образом, его занятия представляли собой чередование «чтений», содержащих точные, строгие и необходимые данные, с великолепными комментариями, в которых историк поднимался до замечательных обобщений, а порой позволял себе развлекавшие аудиторию намеки на современность. И так до конца лекции.

Другой курс отводился участникам конкурса на право преподавания. Во время первого занятия, как водится, записывались и выбирали темы уроков. В начале года кандидаты еще не перегружены работой. Темы быстро распределялись, вызывая иногда жестокие споры. Наступила следующая неделя. Кто был первым? Признаюсь, это у меня нигде не записано. Пожелтевшие листочки на моем столе, записи того времени, не помечены датами. Однако я помню, что наш несчастный товарищ, первым поднявшийся на кафедру, не произнес и двух фраз, как Матъез яростно прервал его (вопреки обычным для таких занятий правилам), чтобы указать, что он основательно заблуждается. Когда ураган миновал, кандидат попытался возобновить изложение своих мыслей, но ему никак не удавалось проговорить более пяти минут кряду. Следует, однако, признать, что замечания Матъеза были бесконечно более содержательными, чем общие места, излагаемые кандидатом, старавшимся не выходить за строгие и устаревшие рамки «конкурсного урока». В конце концов Матъез объяснил нам, как он понимает «конкурсный урок». Тема представляет собой задачу в виде уравнения, которое должно быть решено в ходе ее развития. Матъез оказался не только первоклассным исследователем, но и выдающимся преподавателем. Но, несмотря ни на что, мы были сильно напуганы. Начиная урок, мы спрашивали себя, сколько времени нам удастся проговорить. Уроки оценивались слушателями по тому, сколько раз Матъез прерывал говорящего. По мере того как проходил год, это случалось все реже. Студенты, по всей видимости, поняли, чего хочет от них Матъез, а он понял, что нужно давать им говорить. И вот Жак Велерс (ставший потом первым в нашем выпуске, а впоследствии погибший из-за своей преданности науке)⁸ прочел урок о таможенной политике Людовика XVI, и Матъез оценил этот урок положительно. Но урок моего замечательного товарища Мориса Ломбарда (он стал одним из лучших французских специалистов по средневековому востоку⁹, и его тоже ждала преждевременная кончина) не имел счастья понравиться. Тема была «Интенданты во время правления Людовика XVI». Морис Ломбард добросовестно изучил и использовал работу русского историка Ардашева, однако Матъез решительно опроверг его выводы: в конце XVIII в. интенданты никоим образом не стали «выразителями интересов провинции», как считал Ардашев, а за ним и Морис Ломбард, они оставались послушным орудием короля. Урок Армана Берара (в настоящее время он посол Франции)¹⁰ был оценен несколько выше. Матъез поздравил его с тем, что ему удалось, говоря об оппозиции парламентов при Людовике XVI, показать, как брожение, постоянно поддерживаемое судебскими кругами, сделало дух мятежа привычным и тем самым подготавливало революцию. Однако он подверг Берара критике за то, что тот не уделил достаточно внимания политике феодальной реакции, проводи-

⁸ Жак Велерс, сын Жоржа Велерса, известного своими трудами о физиократах (*Weulersse G. Le mouvement physiocratique en France de 1756 à 1770. P., 1910; Idem. La physiocratie à la fin du règne de Louis XV, 1770—1774. P., 1959; Idem. Les physiocrates sous les ministères de Turgot et de Necker, 1774—1781. P., 1950*). Жак Велерс, будучи первым среди нас, получил право на кругосветное путешествие, из которого он привез очень содержательную работу, посвященную Африке. В Африке он и погиб в результате авиакатастрофы.

⁹ *Lombard M. L'islame dans sa première grandeur. P., 1971.*

¹⁰ Арман Берар поступил на дипломатическую службу в 1931 г., был послом в Токио, Риме, представителем при ООН. Опубликовал мемуары «Посол вспоминает» (1976—1978).

мой парламентариями дворянами. По своим старым заметкам я мог бы привести множество других замечаний Матьеза. Еще и сегодня, несмотря на то что историческая наука ушла далеко вперед, они поражают своей объективностью, а часто и предвидением будущего.

Настала моя очередь. У меня была тема «Сеньориальный режим во Франции накануне революции». Мне очень хотелось знать, догадывается ли Матьез, что соискатель, собирающийся сейчас читать урок, и студент, приславший ему два года назад документ для публикации,— одно лицо. Прежде чем начать свой урок, я его об этом спросил. Да, он догадался. И он добавил несколько благожелательных слов. Тогда я решился сказать ему, что, если пройду конкурс, я хотел бы писать диссертацию по истории революции. Он поощрил меня. Этот разговор придал мне уверенности. Матьез прервал меня лишь раз или два и, видимо, соглашался с моим пониманием «феодалной реакции».

Когда сегодня, более полувека спустя, я спрашиваю себя, кто из моих преподавателей в Сорбонне оказал на меня наибольшее влияние, я без колебаний называю имена Матьеза и Каркошино, преподавателя римской истории. Лишь они обладали даром воскрешать перед нами целую эпоху, а именно этот талант, что бы там ни говорили теоретики историографии, талант, свойственный Мишле, всегда будет притягивать студентов больше всего.

В конце учебного года я успешно прошел конкурс на право преподавания. Несколько недель я отдыхал, а затем написал Матьезу, чтобы сообщить о моем успехе и напомнить ему о моем желании писать диссертацию по истории революции. Он назначил мне встречу в начале сентября в своей маленькой квартире на улице Верньо, 14. Я никогда еще не был у Матьеза. Мне показалось забавным, что он, горячий поклонник Робеспьера, живет на улице, носящей имя одного из самых яростных его противников.

Матьез жил один. Вторая жена его умерла незадолго до того. Он сам мне открыл и спросил меня о моих планах. У меня их было несколько. Привлекала история идей, подготовивших революцию. Меня живо заинтересовала книга швейцарского историка Альфреда Штерна «Влияние французской революции на духовную жизнь Германии», и мне показалось, что было бы весьма полезным изучить взаимное влияние французских, немецких, итальянских идей на революционное движение. Матьез был иного мнения. Движение идей, говорил он, изучено достаточно, а вот учреждения и экономика нет. К тому же Даниэль Морне готовит большую книгу об идеях, породивших французскую революцию¹¹. Он отклонил также мысль написать биографический труд. По его мнению, только опытные, пожилые историки были способны писать биографии. Я понял, что он думает о биографии Робеспьера, которую он однажды напишет, но лишь после того, как исследует весь революционный период... «Есть в истории революции период,— сказал мне Матьез,— который до сих пор мало известен. Это Директория. Раймон Гийо изучил лишь ее внешнюю политику. Я сам в своей диссертации занимался только ее религиозной деятельностью...» И он перечислил мне ряд вопросов, которые следовало бы осветить. Среди прочих он назвал темы «Армейские поставщики» и «Комиссары в армиях». Я сказал, что подумаю, что, прежде чем приступить к работе, мне придется отбыть воинскую повинность. «Хорошо,— сказал он,— но о Вашем решении напишите мне сразу, потому что другие кандидаты тоже просят у меня темы для работ. А после военной службы поступите, как я: станьте стипендиатом Фонда Тьера. Тогда в течение трех лет, не заботясь о деньгах, вблизи от парижских архивов, Вы легко сможете собрать нужные вам материалы».

Недели через две я написал Матьезу, что остановил выбор на теме «Комиссары в армиях при Директории». Одновременно я сообщил ему, что мой отъезд в армию по каким-то неясным и забытым теперь адми-

¹¹ Mornet D. Les origines intellectuels de la Révolution française. P.

нистративным причинам откладывается на полгода и что на это время я назначен преподавателем в лицей в Экс-ан-Провансе: университетская библиотека этого города позволит мне одновременно с подготовкой к занятиям приступить к изучению печатных источников.

Из Экса я время от времени писал Матъезу, чтобы держать его в курсе своей работы, а также трудностей, с которыми я сталкивался. Он аккуратно и любезно отвечал мне. Потом были шесть месяцев в Сен-Сире и шесть других в пехотном батальоне в Меце. Настало время представить мою кандидатуру в Фонд Тьера. Матъез, как и обещал, горячо поддержал ее. Я был принят в начале октября 1930 г.

С этого времени мы стали встречаться очень часто. Матъез пожелал, чтобы я заходил к нему каждую неделю. Если я слишком затягивал с очередным визитом, он присылал мне записку: «Я не имел удовольствия видеть Вас на этой неделе... До скорого свидания...». Во время наших бесед он расспрашивал меня не только о моей работе, но и о моей жизни в общежитии Фонда Тьера, о моих товарищах. Особенно его интересовал один из них, Пьер Пеги, преподаватель литературы, преждевременно скончавшийся в 1941 г. Матъез был дружен в Эколь Нормаль с его отцом, Шарлем Пеги. Пансионеры Фонда Тьера в 30-х годах были обеспечены жильем и питанием, деньгами же выплачивалась сумма, определенная уставами Фонда в 1892 г. Девальвация свела ее почти к нулю. Все мы поэтому искали приработок на стороне, т. е. частные уроки или оплачиваемые лекции, чтобы иметь деньги на карманные расходы. Матъез, конечно, об этом знал. Он устроил мне два часа лекций в неделю через «Альянс ф́рансэз». Я должен был читать иностранным студентам новейшую историю Франции, а главное — историю Революции. Я был ему глубоко признателен, так как если все мои товарищи в конце концов нашли и себе приработок, то в основном это было преподавание только ради денег, не имевшее никакого отношения к интересующим их проблемам.

Начиная с декабря я посещал по приглашению Матъеза его занятия в Высшей школе научных занятий. В отличие от курсов, читавшихся им в Сорбонне, это были не лекции, а семинары, во время которых преподаватель и студенты свободно беседовали. Занятия проходили в самой большой аудитории здания, но и она часто была мала и не могла вместить всех желающих. Слушатели были главным образом взрослые люди, не имевшие среднего образования. Высшая школа привлекала их тем, что для поступления туда не требовалось никакого диплома. Их испугали грозные предупреждения, с которых Альбер Матъез начал учебный год: «Если вы явились сюда только затем, чтобы набраться знаний для звания бакалавра, то оставаться здесь долее напрасный труд. Предупреждаю вас: мы занимаемся серьезной научной работой, которая требует большой предварительной подготовки». Никто даже не шелохнулся. Через неделю слушателей стало еще больше, их было уже около 30 человек, что для Высшей школы того времени очень много. В гораздо большей степени, чем молодые студенты Сорбонны, здешняя аудитория представляла народ, столь дорогой Альберу Матъезу, — народ, умонастроения которого он пытался постигнуть. Поскольку возрастных ограничений не было, некоторые слушатели были старше преподавателя. Довольно много было иностранцев. Мне кажется, тогда преобладали испанцы, греки, шведы, китайцы. Матъез нередко спрашивал их: «Что вы думаете о продаже французских национальных имуществ? Не поступали ли так и в вашей стране? Не кажется ли вам, что китайские армии (это был 1931 г.), которые набирают и содержат сами командующие, чем-то напоминают армии Директории?». Часто дискуссия оживлялась и потихоньку переходила в область современной политики. Когда, например, речь шла о финансовых махинациях некоторых деятелей революции, возник вопрос: «Не можем ли мы их сравнить с махинациями 1931 г.?» Тогда начиналась полоса скандалов, связанных с великим экономическим кри-

всом. Однако Матъез быстро прекращал эти отступления в политику и переводил дискуссию в чисто научную область.

В 1930/31 учебном году на занятиях рассматривались два вопроса: «Бумажные деньги при революции» и изучение «Путешествий по Франции» Артура Юнга. Первым был разобран в ряде лекций Матъеза, сопровождавшихся вопросами и пояснениями. Матъез отвергал теории экономистов (количество этих теорий с 1914 г. росло вместе с инфляцией), он стремился исходить по возможности из наиболее точного анализа фактов, установленных в результате новейших работ французских и иностранных исследователей. Матъез начал с анализа предыстории ассигнаатов во Франции: кредитные билеты банка Лоу, затем Учетной кассы. После этого он рассмотрел все сложные отношения между ассигнатами, продажей национальных имуществ, сбором налогов и вексельным биржевым курсом. На студентов возлагалось изучение некоторых отдельных вопросов: противодействие продаже церковных имуществ, кампания министра Клавьера в пользу бумажных денег, финансовые идеи маркиза де Фавра. Подобно тренировочным урокам участников конкурса на право преподавания, эти выступления постоянно прерывались поправками или критикой со стороны преподавателя, не имевшего терпения дожидаться конца доклада.

«Путешествия по Франции» Артура Юнга изучались по только что вышедшему научному изданию этого знаменитого произведения. Анри Сэ издал его в серии «Классики французской революции», основанной Альбером Матъезом и вышедшей в издательстве Армана Колена¹². Нужно было показать, что думал знаменитый английский путешественник о некоторых сторонах жизни Франции: о сеньориальном режиме, исполщине, о таких сеньориальных правах, как *droit de clôture*, об идеях физиократов, колониальной торговле, использовании цифровых данных.

По окончании занятий Матъез беседовал со студентами, писавшими под его руководством работы для защиты диплома Высшей школы. Споры и обсуждения продолжались долго, порой даже на бульваре Сен-Мишель, по которому студенты провожали преподавателя до трамвайной остановки на углу улицы Гей-Люссака. Многие дипломные работы были защищены и опубликованы уже после смерти Альбера Матъеза, а именно, «Армейские поставщики при революции, управление закупок (1792—1793)» Шарля Пуассона (1933), «Парижские дистрикты при революции» Жоржа Гаррига (1932), работа Люсьена Леклерка о Сан-Доминго, напечатанная частично в «*Annuaire historique de la révolution française*» за 1933, 1934 и 1937 гг.

Именно на семинарах Матъеза в Высшей школе я впервые почувствовал, что значит работать в коллективе, и я понял, что отныне коллективная работа необходима для того, чтобы изучение истории революции было успешным.

В начале 1931 г. Матъез сказал мне, что очередное общее собрание Общества робеспьеристских исследований назначено на 11 апреля. Не могу ли я выступить с каким-либо сообщением? Работая в архиве, я как раз собрал некоторые сведения об использовании воздухоплавания в военных целях при Директории. Вопрос был довольно мало известен, Матъез считал, что это будет прекрасное сообщение. Сам он собирался говорить об отношениях между жирондистами и двором накануне 10 августа. В повестке дня, кроме прочего, значились, как обычно, отчеты генерального секретаря Жоржа Жавога и казначея Гюстава Лорана. Ничто не навело на мысль, что эти отчеты должны повлечь за собой какие-либо события. По крайней мере, Матъез мне ничего об этом не сказал, и я спокойно отправился в Нанси на пасхальные каникулы.

¹² *Young A. Voyages en France (1787, 1788, 1789). P., 1930—1931. Vol. 1—3.* Эта книга разошлась и была переиздана в 1976 г.

Таким образом, я был несколько удивлен, получив 4 апреля от Матъеза записку следующего содержания: «Дорогой Годшо, я напоминаю Вам на случай, если приглашение до Вас не дойдет, что общее собрание в субботу 11 апреля в три часа в Сорбонне (зал для заседания комиссий). Я рассчитываю на Ваше присутствие. Очень спешу. Сердечно Ваш. Альбер Матъез». Я спрашивал себя, почему Матъез так уж на меня рассчитывает? Я конечно, обещал сделать сообщение, но отчего такая настойчивость?

В субботу 11 апреля около половины третьего я явился в Сорбонну. Матъез буквально бросился ко мне: «Гюстав Лоран управлял нашим журналом плохо, мы больше не можем печатать журнал под его руководством в типографии Дидо, он только что подал мне заявление об отставке, надо, чтобы Вы его заменили. Я проведу Вашу кандидатуру через собрание». Я растерялся. Я знал Гюстава Лорана как уважаемого человека и серьезного историка. О разногласиях, которые могли возникнуть между ним и Матъезом, я и понятия не имел. Заседание тем временем началось, и Матъез посчитал мое молчание за согласие. Он прочитал свое сообщение, я — свое. Затем он снова взял слово вместо Жоржа Жавога и стал говорить о трудностях, на которые наталкивалось печатание журнала сначала в Реймсе, а потом в Париже в типографии Фирмен-Дидо. Рассказав о разногласиях, возникших по этому поводу между ним и Гюставом Лораном, он сообщил об отставке последнего и предложил собранию избрать меня администратором и казначеем. Что и было сделано незамедлительно. Матъез затем объявил, что «Анналы» будут печататься в типографии Меллоте и получил необходимые для переговоров с ней полномочия. Отчеты были одобрены, и собрание закрылось.

Я пребывал в полной растерянности. Я не имел ни малейшего представления о своих обязанностях. Однако долго раздумывать не пришлось: на следующий же день я получил записку от Матъеза, который вызвал меня, чтобы передать мне «архив» «Анналов», список подписчиков и некоторые другие документы. Я убедился, что ведение дел Общества робеспьеристских исследований и журнала находится в первобытном состоянии. Не велся даже учет почтовых переводов. Многие подписки оплачивались с опозданием. Представить себе реальное положение дел было трудно. Отныне мы с Матъезом переписывались почти каждый день. Продолжались и наши еженедельные беседы у него или в Высшей школе после занятий, а иногда в Национальном архиве. У Матъеза, как известно, характер был не из легких, к тому же я с удивлением заметил, что простейшие механизмы каждодневной экономической жизни являются для него тайной. Он неумело обращался с чеками, тем более с почтовыми переводами. При малейшей задержке счета или извещения он начинал сильно волноваться и доходил до того, что подозревал почтовых служащих в недоброжелательном отношении к робеспьеризму. Конечно же, Матъез был исследователь, преподаватель, вдохновитель в гораздо большей степени, чем администратор.

Он был удивительный труженик и не понимал тех, кто не работал с таким же упорством. В июле 1931 г. я отправился на летние каникулы, но чувствовал, что Матъез меня не одобряет. Была, правда, одна обязанность, избежать которой я никак не мог: я должен был пройти курс военной подготовки в лагере в Битше. Затем я собирался ехать в Берн, поработать в Швейцарском архиве, где хранились многочисленные документы, касавшиеся знаменитого комиссара Рапина. В мое отсутствие Матъез писал мне почти каждый день: то нужно было вписать нового подписчика, то зарегистрировать отставку, то прочесть корректуру статьи, то внести в списки чей-то переменившийся адрес.

Возвратившись в сентябре в Париж, я застал Матъеза за письменным столом в его доме на улице Верньо. Он не изменился. Стал лишь чуть более бледным, чуть более усталым, но оставался, как всегда, энергичным и деятельным. Он не покидал Парижа во время каникул, стремясь подготовить задуманную им книгу о Директории. Ясно помню: на столе че-

тыре тома Сиу¹³, которого он подверг едкой критике, а рядом с ними тарелка редких в то время вишен. Он ел их по ягодке: единственная роскошь, которую он себе позволял.

Новый учебный год начался для Матьеа с еще более усиленной работы. Я испытывал восхищение и страх одновременно, глядя на все, что ему удавалось сделать почти в одиночку. Не зная почти ничего о его личной жизни, я предполагал, однако, что она полна забот. Тем не менее у меня не было никаких предчувствий и подозрений. Внешняя крепость его сложения казалась мне залогом здоровья. В январе и первой половине февраля я получал от него многочисленные, как обычно, письма, касавшиеся всего на свете: его работы, моих статей и диссертации, журнальных счетов, подготовки очередного общего собрания Общества робеспьеристских исследований и неизбежных волнений по поводу извещений о почтовых переводах. 19 февраля в пятницу я присутствовал, как повелось, на занятиях в Высшей школе, но поговорить нам не удалось: он был поглощен оживленной, временами переходившей в жаркий спор беседой с двумя студентами, которые подошли к нему сразу после лекции. В следующую пятницу в общежитии Фонда Тьера меня разбудил мой товарищ Морис Ломбар: «Ты газету читал? Матьеа умер вчера вечером. Внезапно, во время занятий». «Вчера» было 25 февраля 1932 г. ...

Матьеа умер. Дело его продолжается. Благодаря его преемнику Жоржу Лефевру, который с 1932 г. руководил обществом и журналом, проявляя даже в самые трудные времена мудрость и проницательность не меньшие, чем знания и энергию. Благодаря сохранившим единство друзьям и ученикам Матьеа «Анналы», насчитывавшие 24 года издания в момент смерти Матьеа, существуют вот уже 74 года. А с тех пор как в 1928 г. журнал был переименован в «Annales historiques de la Révolution française», он выходит в свет уже 54 года. Немного найдется в мире исторических журналов, которые могли бы похвалиться подобным долголетием. «Анналы» — единственный журнал, посвященный изучению французской революции. И сейчас он активнее, чем когда-либо. Никогда еще «Анналы» не насчитывали такого количества подписчиков. Количество стран, куда отсылается журнал, непрерывно растет. Не будем же забывать, что инициатором этого великого дела был Матьеа, что последние произнесенные им слова стали лозунгом для его последователей: «Мы будем продолжать...».

¹³ *Sciout L. Le Directoire. P., 1895.* Эта работа написана в духе, очень враждебном революции. Однако богатство информации делает ее необходимой для тех, кто хочет изучать Директорию.